

УДК 165.0

DOI: 10.34670/AR.2020.22.24.029

Философия надежды и интерес к науке в негумбольдтовских зонах обмена

Воронина Наталья Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: voronina.nnov@yandex.ru

Ткачев Андрей Николаевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»).

Аннотация

В статье рассматривается коммуникация науки и общества в негумбольдтовских зонах обмена. Обращается внимание, что интерес к науке выражается в экспертных оценках. Речь идет о мировоззренческом интересе, который противопоставляется пониманию интереса в психологии и социологии. Авторы обращают внимание на то, что коммуникация науки и современного общества выходит за пределы схемы учитель-ученик и задаются вопросом, как возможен равный диалог общества и науки и что может стать его основой. Делается вывод, что научные и ненаучные представления равны в широком мировоззренческом смысле. Раскрывается, что интерес, понимаемый в мировоззренческом смысле, имеет свою основу в трансцендентной надежде. Принцип надежды Э. Блоха рассматривается как основа коммуникации и интереса вообще, и в негумбольдтовских зонах обмена в частности.

Для цитирования в научных исследованиях

Воронина Н.Н., Ткачев А.Н. Философия надежды и интерес к науке в негумбольдтовских зонах обмена // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 5А. С. 21-28. DOI: 10.34670/AR.2020.22.24.029

Ключевые слова

Коммуникация, негумбольдтовские зоны обмена, зоны обмена, философия надежды, мировоззрение, интерес, научные конвенции.

Введение

Наука – социальное предприятие, и сфера научной коммуникации является предметом пристального внимания исследователей, поскольку она чрезвычайно важна для успешного функционирования научной деятельности. На развитие науки влияет не только коммуникация, которая происходит между учеными в научных лабораториях, на конференциях или в научных журналах, но и коммуникация с инженерами, бизнесменами, властью и публикой. Мы хотели бы проблематизировать некоторые процессы, которые происходят при взаимодействии ученых-профессионалов и непрофессионалов (в широком смысле этого слова) в так называемых негумбольдтовских зонах обмена [Касавин, Зоны обмена..., 2017], [Дорожкин, 2018], [Воронина, 2019], а именно мировоззренческий интерес как основание для диалога науки и общества.

Мировоззренческий интерес

В современной культуре в обществе существует интерес к науке, поскольку наука воспринимается как ценность, она входит во многие сферы жизни и определяет эти сферы. В связи с чем возникает соблазн преувеличить роль науки настолько, что с ее позиций оценивать роль мировоззрения, что никак не может быть оправданным, потому что любой, самый большой успех науки всегда меньше любой, самой малой мировоззренческой проблематики.

Всякий интерес к науке – это, прежде всего, мировоззренческое явление, независимо от того, положительно или отрицательно в нем интерпретируется наука. Часто в понимании интереса доминируют психологические или социологические трактовки, но это представляется недостаточно оправданным (если речь идет не о сугубо психологическом или социологическом исследовании), поскольку за социальным и психологическим стоят мировоззренческие процессы, которые являются уже предметом философии. В данной статье предпринимается попытка именно философской интерпретации интереса к науке, подразумевающей исследование мировоззренческих предпосылок интереса и его динамики.

Чтобы выявить мировоззренческую составляющую интереса, нужно обратиться к его проявлениям. Мировоззренческий интерес – это результат значимости для человека каких-то метафизических представлений. Одно из явных выражений интереса – это оценка как выражение положительного или отрицательного впечатления. Потому динамику интересов можно отслеживать по наличествующим оценкам. Разумеется, есть опосредованный профессиональный интерес, например, оценка как научная экспертиза. Но прямо или опосредованно в оценке-экспертизе выражается интерес к изучаемому явлению, который противостоит безразличию и, соответственно, отсутствию экспертных оценок. При этом следует учесть и то, что благодаря тому, что мировоззренческая составляющая интереса к науке у ученого присутствует латентно (или в значительной степени латентно, бессознательно), на нее недостаточно обращают внимание при интерпретации процессов, происходящих в области науки, уделяя большее внимание психологической или социологической составляющей интереса.

Экспертиза как мировоззренческое явление

Научная экспертиза – «один из самых распространенных вариантов вхождения научного знания и его носителей в область общественного», когда ученый оценивает, интерпретирует и комментирует достижения науки [Буки, 2018, 35]. Но в настоящее время наука сталкивается с серьезными вызовами, связанными с изменением эпистемологического статуса экспертного знания. Ученый всегда имел «привилегированное положение в публичной дискуссии, притесняя тем самым права остальных участников в отстаивании альтернативных позиций на равных», теперь же оно нередко утрачивается [Тухватулина, 2019, 150]. Это остро воспринимается научным сообществом. Николс в своей книге с говорящим названием «Смерть экспертизы» приводит такой случай: «в 2016 году группа студентов из Йеля потребовала, чтобы на английском отделении отменили курс, посвященный главным английским поэтам, потому что в нем был перебор с белыми европейскими мужчинами: «Мы высказали свое мнение, – говорилось в их петиции. – И мы не будем молчать. Запомните». Как сказал мне однажды профессор одной элитной школы: «Иногда я чувствую себя не преподавателем, а каким-то продавцом в дорогом бутике» [Николс, 2019].

Научное знание – это формализованное знание, существующее внутри научных конвенций, которые, в свою очередь, опираются на определенное культурно сформировавшееся мировоззрение. Это позволяет науке мирно и непротиворечиво существовать внутри лабораторий, однако экспертиза – это выход за пределы научных лабораторий, здесь наука уже не вправе требовать, чтобы все соглашались с ее внутренними конвенциями. И мы приходим к тому, что на мировоззренческом поле «игры» выводы науки, которые в конечном итоге мировоззренчески обусловлены культурой, и выводы обыденного мышления, которые в конечном итоге также обусловлены культурой (только другими сторонами культуры) оказываются равными. Возвращаясь, к примеру Николса, можно сказать, что, исходя из конвенционально принятых в литературоведении критериев и ценностей, безусловно, ученый вправе выделить лучших английских поэтов, однако за пределами науки при столкновении с позицией, полагающейся на иные культурные основания, позиция ученого теряет свое привилегированное положение.

Однако современная наука не удовлетворяется таким равенством, а стремится активно продвигать свои выводы, как имеющие несомненное преимущество перед выводами обыденного и других видов мышления, присутствующих в культуре. Этому, конечно, способствуют успехи, которых общество достигает, благодаря науке. Но, думается, что современная наука часто не чужда мировоззренческой иллюзии преувеличения своих возможностей, подобно правителям древности, которые, благодаря своим успешным завоеваниям, всерьез воспринимали себя «богами».

Если же в мировоззренческом смысле выводы науки и выводы обыденного мышления (и других видов мышления в культуре) равны, то и диалог, провоцирующий интерес друг к другу, нужно вести на равных. И вот к такому диалогу на равных оказываются не готовы ни наука, ни другие области общественной жизни. Взаимодействие науки и общества, разумеется, существует, но наблюдаются нестыковки интересов. Не все, что интересует общество, интересно науке, и не все, что интересно науке, интересно обществу. Обычно это объясняют недостаточной компетентностью общества в области науки. Но это аргумент неравенства, а мы уже говорили, на мировоззренческом поле игра должна идти на равных. Потому думается, что дело тут вовсе не в некомпетентности общества, а в недостаточном осознании мировоззренческих трансцендентных целей в науке и в обществе.

Мировоззренческие цели и надежды, которые могли бы обеспечивать общность интересов науки и общества в негумбольдтовских зонах обмена

Развитие науки и научный интерес предполагают развитие в каком-то направлении. В узком смысле научное развитие понимается как стремление к достижению решения определенной задачи, для которой были созданы предпосылки в предшествующих научных исследованиях. Это часто создает иллюзию того, что наука развивается «сама из себя», и такое развитие противопоставляется общим целям, которые кажутся отвлеченными по отношению к науке. Но дело в том, что никакие предпосылки никогда не являются однозначными «сами по себе», а только лишь их интерпретации бывают «однозначными». Причем эта «однозначность» интерпретации обычно детерминирована личными или культурными пристрастиями, которые в своих основаниях уходят в сферу мировоззрения. Это можно наблюдать даже в сугубо научном дискурсе. Например, А.В. Сахарова рассматривает употребление слова «очевидно» в научном языке статей по физике и делает вывод, что его роль в научных текстах часто «...заключается в усилении убедительности высказывания, заметим, ничем кроме лексемы физически не подтвержденная. Как мы показали, отсылка к законам мироустройства, может носить манипулятивный характер или рассматриваться как средство усиления убедительности высказывания и попытка нейтрализовать возможные возражения». [Сахарова, 2020, 53] Получается, что уже только по словоупотреблению можно видеть в научном языке использование мировоззренческой аргументации далеко выходящей за рамки научной конвенции. Конвенции научного сообщества предназначены для ограничения всякого научного исследования (кроме, разумеется, философского, у которого особые права), чтобы обсуждаемое в рамках науки представление о данности не растворялось в общемировоззренческом, философском дискурсе.

И это вовсе не упрек наукам, что они произвольно выходят за рамки своего дискурса, а нормальное явление, потому что научное познание совершается не изолировано от социально-культурных процессов, причем, как свидетельствуют исследования по социальной эпистемологии, социально-культурное присутствует в естественных науках не только как постановка задач общества перед наукой, социально-культурные влияния глубоко пронизывают саму ткань естественно-научного познания. Поэтому можно говорить о некотором мировоззренческом пространстве, в котором существуют и наука, и общество, и именно в этом мировоззренческом пространстве генерируются интересы, которые воплощаются потом в науке или в других областях социально-культурной жизни.

Для понимания коммуникативных процессов в этой сфере особый интерес может представлять рассмотрение феномена надежды, предпринятое в философии надежды Э. Блоха [Блох, 1997], потому что мировоззренческий феномен надежды лежит в основании интереса к развитию в любой сфере. Всякое развитие и интерес предполагают нечто находящееся за пределами наличного. И, когда речь идет о негумбольдтовских «зонах обмена», то надежда находится в своем наиболее проявленном состоянии, потому что негумбольдтовская «зона обмена» – это, прежде всего, мировоззренческая «зона обмена». А мировоззренческий интерес, в свою очередь, это область надежд. Возникает вопрос: какие же именно надежды могут быть равно значимы, как для общества, так и для науки? – На первый взгляд, можно предположить, что это благосостояние общества. Но можно задать и встречный вопрос: какое дело науке, (например, математике) до благосостояния общества? – Разумеется, никакого. Благосостояние может интересовать лично ученого, как всякого человека, но не является предметом интереса

той науки, которой этот ученый занимается. То, что можно предложить в качестве действительного интереса, который может объединять науку и общество – это область трансцендентных идей. В качестве примера можно рассмотреть трансцендентный принцип единства, без которого не могут существовать ни математика, ни естественные науки, ни обыденное мышление. Даже само представление об обществе основано на предположении принципа единства.

Последователь Э. Блоха богослов Ю. Мольтман осознал высокое значения принципа надежды атеиста Блоха для богословия. Это показывает, значимость трансцендентной надежды для совершенно разных, порою противоположных мировоззрений. Это основание коммуникации, которое по Блоху «дается в «еще не» - в утопическом бытии» [Сиберс, 2010, 12], в возможности, которая еще не наступила, но которая может превзойти наличность сущего. Потому можно предположить, что трансцендентные надежды могут быть тем общим основанием, на котором наука и общество могут вести равный диалог.

Научно-популярный язык и междисциплинарный язык в мировоззренческой зоне обмена

Успешность всякого диалога во многом зависит от наличия общего в языке. И потому одна из проблем коммуникации, как междисциплинарной, так и между наукой и обществом, состоит в выработке особого языка, который И.Т. Касавин сравнивает с древнегреческим койне: «...проблему междисциплинарного общения и возможные варианты её решения путём проектирования особых социальных технологий медиации, общего языка – “койне”» [Касавин, Койне науки..., 2017, 1024] Но это должен быть не просто «общий язык», а именно «общее в языке», потому что носители одного языка часто друг друга плохо понимают (или почти совсем не понимают), когда речь идет о разном личном или групповом опыте или характере размышлений, что провоцирует несоизмеримость высказываний. Успешное, соразмерное понимание обычно происходит там, где имеется общее пространство опыта, и где есть общее в интерпретациях этого общего опыта. В противном случае одним и тем же словам в языке начинают придаваться особые значения или оттенки значений, которые затрудняют понимание. Например, если бы какой-то человек решил понимать «воду» одушевленно (так, как, например, ее понимал Фалес), то ему сложно было бы понять рассуждения о «воде» другого человека, который понимает «воду» неодушевленной. Но при этом очевидно, что в этих двух противоположных интерпретациях «воды» есть нечто общее — это сама интерпретируемая данность «воды».

Заключение

В научно-популярной деятельности ученый старается объяснить людям, которые не занимаются наукой, смысл того или иного научного занятия, приобщая их к научному языку. Но это диалог не на равных, это диалог, напоминающий диалог учителя и ученика, а как говорилось уже выше, негумбольдтовские «зоны обмена» требуют равенства участников диалога тогда, когда диалог выходит в мировоззренческую область. И, вообще, можно поставить вопрос: задача научно-популярной деятельности в том, чтобы руководить, или в том, чтобы обслуживать общество? – Это принципиальный вопрос, касающийся напрямую того, каким должен быть язык диалога. Если наука должна руководить, тогда должен быть язык

только науки, который должно осваивать руководимое общество. А вот если наука должна обслуживать общество, то тогда надо думать о создании особой языковой среды, которая равно удобна, как для ученых, так и для общества.

Проблема понимания внутри одного языка не нова. В древности между людьми тоже стояла похожая проблема понимания, когда общий язык был недостаточен для выражения в нем многих сторон индивидуального опыта. И потому в качестве особой языковой среды между наукой и обществом можно воспользоваться древним подходом, который выражается в образном или в символическом мышлении. Другими словами, предлагается использовать язык метафор, символов и образов в качестве основы внедисциплинарного общения. Отчасти это уже успешно используется, но фрагментарно, а не как принципиальный подход. Потому что одно дело использовать метафору или образ для объяснения, и совсем другое дело пытаться объяснять через метафору и образ. Вопрос в иерархии, в том, что является более важным. Если главное – это предмет объяснения, то метафора или образ носят характер частного примера для того, что объясняется. А если главное – это образ, то объяснение и предмет объяснения представляют лишь частный пример попыток понимания непостижимого образа или символа.

Если считать главным образ, то наука и общество на равных стоят перед непостижимой данностью образов явленного бытия, которую они пытаются осваивать лишь в полагаемых надеждах. Это равенство позволяет вести диалог, в котором стороны могут взаимно восполнять недостатки и «белые пятна» в интерпретациях непостижимого образа данности, что подходит и для междисциплинарной коммуникации, и для коммуникации в негумбольдтовских зонах обмена.

И сами эти образы бытия формируются, исходя из мировоззренческих, сугубо философских предпочтений науки и общества, основанных на надеждах в области еще не данного будущего.

Библиография

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург, 1997. 400 с.
2. Букки М. (ред.) Пособие по общественным связям в науке и технологиях. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 336 с.
3. Воронина Н.Н. Мотивация интереса к науке в негумбольдтовских зонах обмена // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 4А. С. 210-218.
4. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20-29.
5. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8-17.
6. Касавин И.Т. Койне науки, междисциплинарность и медиация // Вестник Российской Академии наук, 2017, том 87, № 11, с. 1017–1025.
7. Мольтман Ю. Наука и мудрость: К диалогу естественных наук и богословия. М., ББИ, 2005. 204 с.
8. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает науку. М., ЭКСМО, 2019. – 368 с.
9. Сахарова А.В. Семантико-прагматические особенности предикатива очевидно в научном дискурсе // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (26–27 мая 2020 года) / науч. ред. Н. В. Паперная ; отв. ред.: Е. А. Соболева, Е. П. Ковалевич. – Армавир : РИО АГПУ, 2020 – С. 49-54
10. Сиберс Дж. Философия коммуникации: необходимость новых идей // Коммуникация: метафизика и метадискурс. Сборник статей / Под редакцией д.ф.н., проф. С.В. Клягина, д.ф.н., проф. О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2010. – С. 9-13.
11. Тухватулина Л.А. Разрушая башню из слоновой кости: о нормативной модели коммуникации науки и политики // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 4. С. 148-158. DOI: 10.5840/dspl20192457

The principle of Hope and interest in science in non-Humboldtian trading zone

Natal'ya N. Voronina

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of Philosophy,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603950, 23, Gagarina av., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: voronina.nnov@yandex.ru

Andrei N. Tkachev

PhD in Philosophy,
Associate Professor at the Department of Philosophy,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
603950, 23, Gagarina av., Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

Abstract

The authors consider the problems of communication between science and society in the non-Humboldtian trading zone. They note that the interest in science is expressed in expert assessments. Worldview interest is contrasted with the understanding of interest in psychology and sociology. The authors draw attention to the fact that communication between science and modern society are far from “teacher-student” scheme and ask what renders equal dialogue between society and science possible and what can become its basis. The authors believe that scientific and non-scientific ideas are equal in a broad worldview sense. The authors consider Bloch's principle of hope as the basis of communication and interest in general, and in the non-Humboldtian trading zone in particular.

For citation

Voronina N.N., Tkachev A.N. (2020) *Filosofiya nadezhdy i interes k nauke v negumbol'dtovskikh zonakh obmena* [The principle of Hope and interest in science in non-Humboldtian trading zone]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (5A), pp. 21-28. DOI: 10.34670/AR.2020.22.24.029

Keywords

Communication, non-Humboldtian trading zone, trading zone, the principle of hope, worldview, interest, scientific conventions

References

1. Bloch E. (1997) *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu* [*Tübingen Einleitung in die Philosophie* (The Tübingen Introduction in Philosophy)]. Ekaterinburg.
2. Bucchi M., Trench B. (eds.) (2014) *Posobie po obshhestvennym svyazyam v nauke i tekhnologiyakh* [*Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*]. Moscow: Alpina non-fiction Publ.

3. Dorozhkin A.M. (2018) Osobennosti postroeniya negumbol'dtovskikh zon obmena [The specifics of constructing nonHumboldtian trading zones] Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Vyatka State University], 4, pp. 7-13
4. Kasavin I.T. (2017) Kojne nauki, mezhdisciplinarnost' i mediacija [The koine of science: interdisciplinarity and mediation] // Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. T. 87. № 6. С. 543-550
5. Kasavin I.T. (2017) Zony obmena kak predmet sotsial'noj filosofii nauki [Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], 1, pp. 8-17.
6. Nichols T. (2019) Smert' jekspertizy. Kak internet ubivaet nauku. [*The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters*]. Moscow: EKSMO Publ.
7. Moltman J. (2005) Nauka i mudrost': K dialogu estestvennykh nauk i bogosloviya [*Wissenschaft und Weisheit: Zum Gespräch zwischen Naturwissenschaft und Theologie*]. Moscow, BBI Publ.
8. Siebers J. I. (2010) Filosofija komunikacii: neobhodimost' novyh idej [Looking for new ideas to conceptualize philosophy of communication]. In: *Kommunikacija: metafizika i metadiskurs. Sbornik statej* [Communication: metaphysics and meta discourse]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Politehnicheskogo Universiteta, pp. 9 – 13.
9. Saharova A.V. (2020) Semantiko-pragmaticheskie osobennosti predikativa ochevidno v nauchnom diskurse [Semantic and pragmatic features of the predicative are obvious in scientific discourse] In: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj komunikacii: sbornik statej [Current problems of linguistics and linguodidactics in the context of intercultural communication]. Armavir : RIO AGPU Publ. – pp. 49-54.
10. Tuhvatulina L.A. (2019) Razrushaja bashnju iz slonovoj kosti: o normativnoj modeli komunikacii nauki i politiki. The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Cifrovoj uchenyj: laboratorija filozofa. T. 2. № 4. pp. 148-158.
11. Voronina N.N. (2019) Motivatsiya interesa k nauke v negumbol'dtovskikh zonakh obmena [Interest in science in non-Humboldtian trading zone]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (4A), pp. 210-218. DOI: 10. 34670/AR.2019.45.4.080